

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ И ЕЕ КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТРОЙ

М. Г. ЯРОШЕВСКИЙ

(Москва)

1. О ЧЕМ ГОВОРIT ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Споры о предмете психологии столь же стары, как и сама эта наука. Вспыхивая и угасая в различные моменты ее развития, они выражают каждый раз в новой форме потребность в том, чтобы теоретически интерпретировать своеобразие и границы исследуемой области. Эта потребность, в свою очередь, порождается практикой научно-психологической работы. Изменяются независимо от устремлений отдельных исследователей состав и структура представлений о психических актах. И когда эти сдвиги достигают значительной амплитуды, вновь и вновь возникает вопрос о предмете психологии, об ее месте в общем корпусе научного знания о человеке и мире.

В дискуссиях о предмете речь идет не о дефинициях¹, а о том, чем психология должна заниматься, какова ее «собственная» область и какими концептуально-методическими средствами следует ее разрабатывать.

На первый взгляд эта область легко определяется указанием на так называемые психические явления, непосредственно известные каждому из повседневного опыта — восприятия, мысли, чувства, влечения и др. Однако уже сами по себе не прекращающиеся на протяжении десятилетий разногласия между сторонниками различных точек зрения свидетельствуют, что мы сталкиваемся с проблемой, требующей специального анализа.

Актуальность этой проблемы резко обострилась в наши дни в силу стремительного роста междисциплинарных исследований. Ситуацию, в которой оказывается современный психолог, перед глазами которого разверзается водоворот междисциплинарных взаимодействий, не следует рассматривать как совершенно исключительную, никогда прежде не угрожавшую нашей науке. С момента рождения в качестве самостоятельной дисциплины психологии приходилось отстаивать границы, отделяющие ее предмет от предмета других наук, вовлекавших психические явления в орбиту своего анализа.

¹ Отбор дефиниции — дидактическая задача, с которой более-менее успешно справляются авторы учебников.

Этими явлениями занимаются многие науки — естественные и общественные, и сложность вопроса именно в том, что психические явления, подобно физическим, могут изучаться самыми различными дисциплинами. Эмоции, например, рассматриваются физиологом с точки зрения их нейрогуморальных механизмов; историком — в связи с их ролью в поведении какого-либо государственного деятеля или даже народных масс; искусствоведом — с точки зрения эффекта, возникающего у зрителя или читателя; биологом — как продукт естественного отбора и т. д. Процессы мышления опять-таки анализируют — каждый со своих позиций — дидакт и кибернетик, логик и социолог. Иначе говоря, психические явления служат объектом для построения различных научных предметов.

Сказать, что психология изучает психические явления, процессы, свойства, состояния и т. д. — значит указать на ее объект. Задача же состоит в том, чтобы определить ее предмет. Как подступиться к этой задаче?

Здесь, как и в других случаях, целесообразно ориентироваться на исторический опыт. Не мнения отдельных исследователей, сколь значительны и прозорливы они бы ни были, а коллективная работа поколений, шаг за шагом проникавших в психическую реальность, позволяет понять, как строился собственный предмет психологии.

Но к самому историческому опыту могут быть различные подходы. В летописи науки сохраняется как ее реальное движение, так и «рефлексия» по поводу него. В известном смысле эту «рефлексию» можно трактовать как «самоотчет». Каждому психологу известно, сколь рискованно отождествлять «самоотчет» с запечатленной в нем реальностью. Это же относится и к «самоотчету» ученых. Следует разграничивать в целостном движении научного познания, с одной стороны, объективный смысл и результат исследовательской деятельности (назовем этот уровень *категориальным*), с другой — ее представленность в форме рефлексии по поводу предмета наук, их взаимоотношений и т. д. Эти два неразрывно связанных уровня не тож-

дественны. Современную психологию начали создавать естествоиспытатели, которые ни в собственных глазах, ни в глазах других не выступали в качестве психологов. Психическое становилось предметом их исследований объективно, безотносительно к их намерению разрабатывать психологию в качестве особой экспериментальной дисциплины. Как известно, три направления стали краеугольными камнями новой психологии как науки, отличной по своему предмету от физиологии: психофизика, изучение механизма построения чувственного образа и изучение времени реакции. Но закладывая эти камни физиологи (Вебер, Гельмгольц, Дондерс) и не подозревали, что они работают уже вне физиологической области, изучают не физиологические, а психологические факты и закономерности. И действительно, ни для закона Вебера — Фехнера, ни для механизма построения образа, ни для установленных Дондерсом различных типов времени реакции (различения, выбора и т. д.) невозможно было указать никаких физиологических оснований (в смысле процессов в нервной системе).

И тем не менее это были факты, законы и механизмы, установленные строго эмпирическим путем — с помощью экспериментальных и математических методов, — описывавшиеся, однако, уже не в физиологических, а в собственно психологических понятиях (-порог различения-(Фехнер), -бессознательные умозаключения-(Гельмгольц), -бессознательные ощущения-(Сеченов), -реакция выбора-(Дондерс) и др.). Можно считать себя работающим в сфере физиологии, но «делать» психологию (как это было в XIX в.), и наоборот (как это, в частности, происходило у нас в начале 50-х годов, а иногда наблюдается и в современных психологических лабораториях).

Лишь после того, как объективно в практике исследования стал складываться собственный предмет психологии, отличный от физиологического, возникла потребность в том, чтобы осмыслить его на уровне теоретической рефлексии. В нашей литературе детально проанализированы две системы представлений о предмете психологии, выдвинутые на заре этой науки, — вундтовская и сеченовская. Согласно Вундту, предмет психологии — «непосредственный опыт» — факты сознания, какими они открываются непосредственно переживающему их субъекту. Версия о том, что психологические факты (в отличие от физиологических), механизмы и законы извлекаются из данных «непосредственного опыта», была теоретической версией о предмете психологии. Нет ничего более ошибочного, как судить по ней о действительном предмете психологических исследований в те времена. Этим предметом служили осмысливаемые посредством новых, собственно психологических категорий, реальные связи психических явлений, какими они существуют безотносительно к «следящей системе» самонаблюдения. В психологических лабораториях накапливалась важная, сохраняющая свою ценность

и поныне информация о тех гранях психической реальности, которые отражаются в таких категориях, как «образ» и «действие» (ср. изучение порогов, времени реакции, мнемических действий (Эббингауз), объема внимания (Кеттелл) и др.).

Вундтовская школа (которая после Титченера получила имя «структуралистской» и «экзистенциальной») полагала, что ей удастся найти «материю» сознания — его «экзистенцию», его первоэданые элементы и структуры, — т. е. проникнуть в область, изучение законов которой не может стать предметом никакой другой науки, кроме психологии. Центральным являлся вопрос о «содержании» психики, об особой «материи», из которой она соткана. Главное ответить на вопрос «что?» и лишь затем можно будет понять «как?» — как функционируют психические «элементы».

Психологии «содержаний» была противопоставлена психология «актов» или «функций». Мы увидим, что этот давний спор вновь приобрел остроту в современной науке. Должна ли психология изучать «содержание» сознания («что?»), или оно является предметом других наук — этот вопрос нельзя обойти в дискуссиях о предмете. Трудность вопроса обусловлена тем, что содержание человеческого сознания охватывает все богатство информации о реальном мире. Не означает ли в таком случае включение «содержания» в предмет психологии поглощение этой наукой всех других? Не безопасней ли, — ввиду угрозы психологизма, остаться в пределах вопроса «как?» (как формируется, усваивается, преобразуется это содержание), или же вопроса об отношении (как относится субъект к данному содержанию).

Мы еще вернемся к этому. Здесь же отметим, что неудачи структурализма, его слабости активировали разработку функционального направления, переместившего центр интересов на акты, умственные действия и функции.

Представление, по которому предметом психологии служит только то, что совершается в сознании (будь то «содержание» или «акт»), окончательно рухнуло под напором двух течений: бихевиоризма и психоанализа. Бихевиористы провозгласили предметом психологии телесные реакции на стимулы. Психоанализ со своей стороны начал поход против сознания, обещая создать науку о бессознательных психических процессах. По манифестам бихевиористов и фрейдистов так же нельзя судить о подлинном предмете их исследований, как и по декларациям Вундта, Титченера и других интроспекционистов. Мы попытались показать в другой работе (см. [8]), что в бихевиоризме неадекватно преломился тот аспект психической реальности, на который указывает категория действия; центральной же для психоанализа стала категория мотивации. Одновременно интенсивно шло формирование других категорий, образующих основные узлы той категориальной сетки, благодаря которой современная

психология приобретает способность все глубже и шире захватывать свои объекты. На рубеже века уже сложились основные компоненты категориального аппарата психологии. Ее предметом, отличным от предмета всех других наук, служили не «феномены сознания», лишённые всех определений, свойственных материальным вещам, но различные параметры реальной психической жизни, представленные в соответствующих категориях.

В силу ряда исторических обстоятельств возникли психологические школы, каждая из которых, отстаивая «свой» предмет, претендовала на то, что она, и только она, разрабатывает «настоящую» психологию. Возникновение психологических школ явилось своеобразной реакцией на запросы логики развития науки, потребовавшей в ходе освоения психической реальности расширения предмета психологии.

Но, как говорят исторические факты, именно указанная претензия и привела неотвратимо к распаду школ. Распался бихевиоризм, пытаясь включить в свою ограниченную схему (позитивные элементы которой имели отношение лишь к категории действия) образные компоненты психики (Толмен), мотивацию (Халл), психосоциальное отношение (Дж. Мид). Стал распадаться психоанализ, приверженцы которого попытались преодолеть его слабости, включив в исходную концептуальную схему Фрейда категорию психосоциального отношения (неофрейдизм), категорию личности (психология «Эго») и т. д.

Необходимость решительного расширения предмета психологии одним из первых осознал И. М. Сеченов. В полемике с интроспективной концепцией опытной школы, полагавшей, что предметом психологии — и только ее одной — должны быть процессы, которые «начинаются и кончаются в сознании», Сеченов выдвинул в качестве аксиомы научной психологии совершенно иной взгляд на ее предмет. Этим предметом — согласно Сеченову — являются целостные акты, нераздельно включающие в свою общую структуру наряду с «сознательным элементом» внешнее воздействие (сигнал) и двигательный мышечный компонент [7].

В бихевиоризме новая трактовка предмета психологии в силу ряда обстоятельств (в рассмотрении которых здесь входить не место) произошла за счет отсечения «сознательного элемента», в результате чего само телесное действие получило неадекватную интерпретацию. *Но решающий шаг был сделан — предмет психологии изменился, и любая попытка ограничить этот предмет сферой переживаний или умственных явлений, актов, механизмов (осознаваемых или неосознаваемых не суть важно) может быть только регрессией к пройденному этапу в развитии категориального строя психологического мышления.*

Стремление отстоять самобытность психологии оказывается в некоторых современных концепциях ложно направленным, когда ре-

альную телесную деятельность начинают трактовать в качестве внепсихологического предмета.

Итак, исторический опыт побуждает нас разграничить, во-первых, объект психологии и ее предмет, во-вторых, ее действительный предмет и ту форму, в которой он выступает на уровне теоретического размышления о нем.

Объект науки существует независимо от нее. Возникнув в определенный момент развития физического мира в качестве его свойства, психика столь же независима от способов ее осознания, как и сам этот мир. Она — реальность. Как известно, материалистическое и идеалистическое воззрения на психику разделяет не то, что первое отрицает эту реальность, а второе признает, но то, что для нее указываются принципиально различные основания.

Психическая деятельность выступает как объект житейского, эстетического, научного познания. *Из объекта она становится предметом науки благодаря выработке специального исследовательского аппарата, инвариантами которого являются наиболее общие понятия — категории. Предмет психологии конституируют ее категории, воспроизводящие существующие признаки психической реальности.* Тем самым намечается ответ на вопрос о том, когда психология приобрела свой предмет, отличный от предмета философии и физиологии, иначе говоря — на вопрос о том, когда она приобрела статус самостоятельной дисциплины. Обычно главная роль придается эксперименту. Подчеркивая важность внедрения опытных (экспериментальных, количественных) методов, мы указываем на средства, благодаря которым изначально строится этот предмет, но еще ничего не говорим об его содержании и структуре. Стало быть, само по себе указание на эксперимент недостаточно для определения самостоятельного научного статуса психологии. Очевидно также, что формы организации научной работы (лаборатории, кафедры, периодические издания, конгрессы и т. д.) закрепляют, отражают и стимулируют процессы, которые разворачиваются на глубинном уровне проникновения мысли в свой предмет.

Поэтому при всей важности таких, например, событий, как организация лейпцигской лаборатории в 1879 г. или созыв первого международного психологического конгресса в Париже в 1889 г., от этих событий можно вести летопись психологии как самостоятельной науки лишь потому, что в составе исследований интенсивно шла кристаллизация собственного предмета психологии.

Приняв положение о том, что предмет психологии конституируют ее категории, мы избираем другой ориентир для отграничения преднаучной психологии от научной не по ее объекту (во всех случаях им является психическая реальность), не по ее методическим средствам (эксперимент и др.) и не по ее организационным формам (лаборатории, кафедры и т. д.), а по предмету.

Психология стала превращаться в самостоятельную науку, имеющую собственный предмет, когда начал складываться ее категориальный аппарат. На протяжении столетия происходит формирование этого аппарата, дифференциация и интеграция его блоков, совершенствование его «разрешающей способности».

В итоге воспроизводимая наукой панорама психической жизни становится все более отчетливой и детализованной и, соответственно, возрастают возможности научного подхода к человеческим проблемам. Когда возникают ситуации, побуждающие исследователя превратить собственную деятельность, ее цели и средства в объект специального анализа, появляются теоретические представления о предмете психологии, о природе психических явлений, об их отношении к физиологическим или социальным процессам и т. д. Эти представления, повторяем, не следует смешивать с категориальной структурой научно-психологического знания, какой она складывается в данную конкретную эпоху, т. е. с реальным «составом» предмета психологии. В этой связи заметим, что многие теоретические неясности возникают из-за неопределенного, *лишенного категориальных членений* употребления таких терминов, как «образ», «поведение», «аналитико-синтетическая деятельность», «внешнее и внутреннее» и т. п. До сих пор в нашей литературе встречаются определения психической деятельности как «аналитико-синтетической деятельности мозга» или утверждения о том, что диалектико-материалистический детерминизм в психологии состоит в объяснении, как «внешние причины действуют через внутренние условия».

«Анализ» и «синтез», «внешнее и внутреннее» — это предельно общие понятия, в которые вкладывается самый различный научно-категориальный смысл.

Физиологическую, психологическую, логическую, кибернетическую и любую другую определенность они приобретают лишь тогда, когда мыслятся в соответствующей системе категорий.

Идея о том, что *предмет психологии развивается*, позволяет преодолеть традиционный а-историзм в трактовке этой проблемы. История предмета получает определенную проекцию в истории тех представлений о нем,

которые высказывались сторонниками различных школ и направлений — структуралистами, функционалистами, персоналистами, гештальтистами, психоаналитиками и др. Но было бы глубоким заблуждением идентифицировать эти две истории¹. Школы и направления возвышались и гибли, тогда как предмет психологии, ее категориальный строй обогащались от эпохи к эпохе, запечатлевая объективно-истинное в знании о психической реальности.

Проведенное здесь членение вовсе не означает, что движение исследовательской мысли на категориальном уровне, совершаясь «своим ходом», не испытывает воздействия тех теоретических программ, в которых определялась, нормировалась и проектировалась работа различных школ. Напротив, это воздействие было огромным. Достаточно вспомнить об ограничениях, которые накладывали в свое время на психологическое исследование гештальтисты или бихевиористы, и о тех пагубных последствиях, которые влекло за собой слепое следование их схемам, преодоленным дальнейшим развитием научной психологии.

Кое-кто пытается выдвинуть новые ограничения и в наше время, руководствуясь похвальным намерением не допустить, чтобы психология утратила собственное лицо. Программные требования не только отражают уже сложившуюся направленность психологической работы. Они претендуют на то, чтобы отстоять эту направленность в качестве единственно-законной». Они накладывают вето на поиск в других направлениях и тем самым влияют на исследовательскую практику.

Обращение к категориальному строю науки и историческому опыту служит отрезвляющим противовесом, позволяет рассмотреть современные дискуссии о предмете психологии в широкой перспективе и оценить ситуацию, сложившуюся в настоящее время, как один из моментов общей траектории всемирно-исторического движения психологической мысли.

¹ Точнее, перед нами три истории: а) исторически развивающаяся психическая деятельность человека (объект психологии); б) развивающийся категориальный строй (предмет психологии); в) история теоретических взглядов на психику (область истории психологии).

2. СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ

Развитие предмета психологии совершается под влиянием многих факторов. Существенную роль играет взаимодействие наук. Плодотворность «гибридизации» идей, представляющих различные направления, общеизвестна. Бурный рост междисциплинарных исследований типичен для современной эпохи развития знаний, в том числе знаний о человеке и его психической деятельности.

Возникает, однако, вопрос, размышление над которым приводит к новым спорам о предмете психологии. Не отпадает ли от психологии в ходе ее взаимодействия с другими науками (в особенности вооруженными более точными методами — кибернетикой, нейрофизиологией), то, что считалось принадлежащим ей, и только ей?

Особенно грозной представляется некото-

рым авторам опасность поглощения психологии (в целом или по частям) кибернетикой. Тревогу усиливают экспансионистские устремления тех кибернетиков, которые трактуют человека как «автомат с программным управлением», а психическую жизнь в виде процессов «приема, накопления и переработки информации»¹. У всех на памяти дни, когда они предложили новый ответ на знаменитый сеченовский вопрос «Кому и как разрабатывать психологию?»: «Кому? Кибернетикам», «Как? Путем моделирования функций на вычислительных машинах». Триумфальное шествие кибернетики — одного из наиболее ярких порождений современной научно-технической революции — действительно оказывает воздействие на содержание и направленность психологических исследований, ставя новые проблемы, внося новые понятия, методы, объяснительные принципы. Кибернетика влияет на психологию не только непосредственно, но и через другие области знания, в свою очередь претерпевающие изменения благодаря внедрению кибернетических идей. В частности, нейрофизиология — давний союзник психологии в изучении механизмов жизнедеятельности — усвоила ряд кибернетических представлений (например, о кодовой природе нервных процессов), вынуждая тем самым переосмыслить психофизиологическую проблему, ставя вопрос о соотношении кода и образа, о соотношении между физиологическими («модель потребного будущего», «акцептор действия»²) и психологическими регуляторами поведения.

Не осталась иммунной к кибернетическому способу мышления и социология, где теперь все чаще можно встретить понятия и модели, почерпнутые в теории регулирования, теории информации, теории игр и других кибернетических дисциплинах. Посредством учений о малых группах и о коммуникативных процессах эти новые подходы воздействуют на психологию.

Изменили ли все эти влияния, идущие прямо или опосредствованно со стороны кибернетики, предмет психологии?

Утвердительный ответ на этот вопрос может иметь различный смысл. Так, по мнению Ф. В. Бассина, создав «мета-язык, обеспечи-

вший исследование скрытой «логики» физиологических и психологических процессов и тем самым оказав благотворное воздействие на научный поиск, кибернетика вместе с тем заставила по-новому взглянуть на определенный аспект психической жизни, который прежде считался неотъемлемым элементом «предмета психологии», в действительности же оказался «скорее чем-то с психологией только внешне связанным, только включенным в контекст психологического рассмотрения, но не составляющим этот контекст органически» [1].

«Элемент», о котором идет речь, — это, согласно Ф. В. Бассину, «процессы логического мышления». В докибернетический период их интимная включенность в структуру конкретной мыслительной деятельности не позволяла расчлнить то, что «подведомственно психологии, от того, что является объектом только логики» [1].

Но вот пришла кибернетика. Формализован в различных моделях «искусственного интеллекта» широкий спектр логических процессов, она раскрыла их подчиненность вне психологическим закономерностям. Она тем самым вывела их за пределы психологии, показала, что здесь представлены «неподведомственные» ей феномены. Чтобы избежать возникшей перед ней в итоге — по мнению Ф. В. Бассина — угрозы утратить свой предмет, психология должна принять «яную, более адекватную методологическую ориентацию». Она должна сосредоточиться на «значущих переживаниях». Будучи принципиально неформализуемыми, они составляют особый предмет, о котором невозможно говорить на структурно-математическом «мета-языке» кибернетики. Стало быть, отмечая позитивное значение кибернетики, Ф. В. Бассин вместе с тем полагает, что ее успехи побуждают пересмотреть трактовку предмета психологии в направлении изъятия из ведения этой науки всего формализуемого и моделируемого, в особенности процессов логического мышления. В противном случае психология оказывается перед угрозой — при определенном типе ее дальнейшего развития — незаметным образом «утерять» свой основной «предмет» [1].

Свои соображения по поводу проектируемой Бассиным трансформации предмета психологии мы выскажем несколько позднее. Здесь же рассмотрим два вопроса:

а) действительно ли, в современной научной ситуации сохранение за психологией ее собственного предмета требует изъять из ее сферы процессы логического мышления, точнее — все формализуемое вообще;

б) действительно ли главное значение кибернетических идей для психологии состоит в том, что они с небывалой в истории психологии яркостью оттенили качественное своеобразие психических проявлений, поскольку именно кибернетика заставила обратить особое внимание «на характерное положение неформализуемого как объекта познания, который остается только в ведении психоло-

¹ Информационный аспект — важнейший в психической жизни. Его открытие и разработка революционизировали научно-психологическое мышление. Однако «информация» — кибернетическая, а не психологическая категория (каковой является «образ»). Игнорирование различия между кибернетическими и психологическими категориями столь же затрудняет выявление реальных соотношений между двумя науками, как и игнорирование взаимосвязи указанных категорий.

² Неверно было бы полагать, что эти понятия, сложившиеся в физиологии, выражают новым физиологическим языком давно известные психологические представления. Речь идет о кодовой модели и об особом способе организации физиологических процессов.

гии, составляя тем самым ее «предмет» — «*rag excellence*»¹. И это «оказалось, быть может, даже более важным результатом проникновения в психологию духа математики и формальных методов, чем возможности развития, которые создаются этими методами для того, что формализуемо».

Процессы логического мышления (или, как говорит Ф. В. Бассин, «логика мыслительной деятельности») издавна приковывали внимание психологов. Эти процессы представляют высшую форму познавательной активности, важнейший регулятор поведения, вершину умственного развития. Их причастность психической реальности никогда ни у кого не вызвала сомнений.

Из этого, однако, не следует их неперенная причастность предмету психологии. Значительно раньше психологии возникли дисциплины, изучающие структуру и законы мышления (логика), своеобразие и развитие речевых форм, в которых протекают мыслительные процессы (языкознание).

Предметом психологии *rag excellence* мыслительные процессы становились тогда, и только тогда, когда захватывались категориальной «сеткой» этой науки. На первых порах возникли споры по поводу того, в какой форме представлено предметное содержание в сознании мыслящего субъекта. В противовес традиционному мнению о сенсорной «фактуре» сознания было выявлено, что мышление в понятиях реализуется в безобразных формах. Ни логику, ни гносеологию, ни лингвистику этот вопрос не беспокоил. Для психологии же он являлся вопросом кардинальным и именно поэтому находился в центре интересов целого поколения исследователей, экспериментально изучавших мышление. Важно было понять собственно психологическую ткань тех структур и форм, которые другие науки о мышлении рассматривают отчужденно от конкретного, индивидуального субъекта. В дальнейшем споры о безобразном мышлении угадали. Выходисты объявили их просто бесплодными. Но в организме науки они оставили след, повлияв на формирование категории образа. Безобразным абстрактное логическое мышление можно считать лишь в том случае, если под образом имеется в виду чувственный образ (первичный — восприятие или вторичный — представление). Но действительность отражается в сознании не только в виде чувственных образов. В ходе их трансформации возникают образы умственные, воспроизводящие связи и отношения реального мира в очищенной от чувственности форме. От этого они не перестают быть образами реальности, присущими субъекту как таковому — неотъемлемым компонентом его собственной жизни.

Бессубъектных образов не существует — ни чувственных, ни умственных. Кибернетика открыла возможность моделирования этих образов. Однако по этой причине они вовсе не

«ушли» из области психологии. Каждое новое движение мысли по «сгибам» и «грням» своего содержания возможно только на основе образов, которыми вооружен субъект и которые, составляя ориентировочную основу его поведения, имеют своим результатом построение новых образов, не существующих нигде, кроме психической жизни этого субъекта.

Лишь после произведенной субъектом интеллектуальной работы становится возможным моделирование ее процессов и результатов, их формализация и кибернетизация².

Успехи кибернетики на пути моделирования образов не отменяют, а обостряют необходимость собственно психологической разработки этой категории.

В категории образа, однако, выступает лишь одно из звеньев целостного аппарата, посредством которого психология захватывает свой предмет в целом, мыслительную деятельность в частности. Нельзя выявить в мыслительной деятельности (в процессах мышления) то, что служит предметом психологии (в отличие от предмета других наук), ограничившись одним категориальным «звеном» — образом. Другими звеньями являются категории мотива, действия, психосоциального отношения, личности³. Лишь благодаря синтезу этих категорий процессы логического мышления выступают в их реальных, собственно психологических закономерностях. Важность изучения этих закономерностей не только в теоретическом плане, но и в плане научной организации обучения и труда общезвестна. Но, быть может, говоря о «перемещении» логического мышления из сферы психологического анализа в сферу кибернетики, следует иметь в виду не их мотивационно-личностный и социально-психологический аспекты, а «операторную часть», «динамику логических структур». Разве не подчиняется движение мысли некоторым всеобщим законам логики, которые выполняются в каждой отдельной голове безотносительно к ее идеосинкретическому индивидуальному опыту, и разве не являются

¹ Отметим следующее обстоятельство. Протестуя против ложной уверенности в том, что дальнейшее совершенствование формального аппарата наук само по себе обеспечивает их прогресс, крупные естествоиспытатели начинают настаивать на решающей роли «личного знания» (*personal Knowledge*).

² Напомним, в частности, что еще Л. С. Выготский подчеркивал: «детерминистический анализ мышления необходимо предполагает вскрытие движущих мотивов мысли» [3; 154]. Известное марксистское положение о том, что и вне прямого общения с другими людьми (например, при научной работе) человек непосредственно включен в систему социальных взаимодействий, конкретизируется в исследованиях советских психологов. В других исследованиях раскрывается зависимость мыслительной деятельности (ее хода и результатов) от ее личностных параметров.

¹ Почему-то в этом и во многих случаях термин «предмет» берется автором в кавычки.

именно эти законы и структуры (воспроизводимые теперь на машинах) самым существенным в работе интеллекта?

С целью определить нашу позицию в этом вопросе укажем прежде всего на проведенное А. Н. Леонтьевым разграничение действия и операции. Формализуемой и отчуждаемой от субъекта, согласно этой точке зрения, является только операция. Обсуждая вопрос о соотношении функций человека и машины, А. Н. Леонтьев и Д. Ю. Панов полагают, что моделировать посредством кибернетических устройств возможно лишь те способы действия, которые относятся к разряду операций. По мнению указанных авторов, входя в технический состав деятельности (и вместе с тем полностью покрывая этот состав), операции обладают относительной независимостью. Они психологически обезличены и потому могут, отделяясь от человека, стать его своеобразной внешней средой, приобрести собственное существование и даже «развитие» (см. [6]).

Эта точка зрения приобрела значительную популярность, и если принять ее вне указанного выше разделения действия и операции (на котором настаивает А. Н. Леонтьев), то она как будто говорит в пользу предложения Ф. В. Бассина: считать научное изучение процессов логического мышления — основы разумной деятельности человека — предметом кибернетики, а не психологии. Если те «операции-процессы», которые полностью покрывают технический состав деятельности, могут воспроизводиться во «внешней среде» кибернетической системы (где они поддаются куда более точному анализу, чем на уровне нестрогих понятий психологии), то какой смысл оставлять их за психологией?

Остается, однако, вопрос: является ли кибернетическое изображение логического механизма единственной строго научной проекцией его устройства и функционирования в реальной психической деятельности?

Электронновычислительные машины производят сходный с эффектами работы человеческого мозга продукт (решение сложной вычислительной задачи, выигрыш партии в шахматы, перевод с одного языка на другой, информационный поиск и др.). Чтобы получить этот продукт, машина производит операции, исчерпывающе описываемые языком математической логики. Психология для их объяснения действительно не нужна. Допустив, что ими исчерпывается «техника» не только искусственного, но и естественного интеллекта, мы и получаем те основания, которыми руководствовался Ф. В. Бассин, предлагая оставить изучение «динамики логических структур» за кибернетикой. Следует, однако, еще доказать, что живые процессы логического мышления не имеют собственных психологических механизмов. Все развитие экспериментальной психологии говорит в пользу их важной роли в регуляции поведения. Формы (именно формы, операции, структуры, а не только образное содержание) познавательной активности реального субъек-

та и формы, операции, структуры, изучаемые логикой, не тождественны.

Трудности, с которыми нас сталкивает проблема соотношения между логикой и психологией мышления, все еще остаются огромными и во многом непреодоленными, поскольку каким самобытным ни было бы мышление индивида, усваивающего или творящего общественный опыт, оно все равно остается неотвратимо подчиненным законам логики, независимым от интимно-психологического контекста. Это и дает повод предполагать, что операции, механизмы, интеллектуальные акты представляют по отношению к указанному контексту нечто внешнее, гетерогенное, тогда как мотивационно-личностные моменты (переживания) составляют его неотъемлемое содержание.

Тезис, согласно которому операционный состав интеллектуальных процессов (умственные действия, операции) должен быть «ради блага психологии» (устранения угрозы утраты ею собственного предмета) передан кибернетике и логике, ведет к обеднению предмета психологии, к выпадению из круга ее исследований психологической «технологии» мыслительных процессов¹. Между тем изучение собственно психологических механизмов интеллектуального поведения остается, как и в докибернетический период, важнейшей задачей психологии.

Перед психологией может возникнуть угроза «части» своего предмета не в силу того, что она и дальше будет заниматься указанными механизмами, но лишь в том случае, если она устранилась от их анализа, предполагая, что здесь решающее слово принадлежит кибернетике, логике или нейрофизиологии.

¹ Противовесом этому тезису является концепция «ориентировочной деятельности», развиваемая П. Я. Гальпериним. Центральной для нее является идея о том, что умственная деятельность имеет собственно психологические механизмы, отличные от физиологических, кибернетических и т. д.

В стремлении преодолеть синкретическое понимание умственной деятельности, раскрыть ее психологическое строение, трактовать ее именно как деятельность, а не совокупность переживаемых феноменов — важное позитивное значение этой концепции. Однако мы не можем принять вывод о том, что именно ориентировочная часть (или функция, или механизмы) деятельности и представляет то уникальное предметное содержание психологии, за пределами которого простираются «владения» других дисциплин. Этот вывод неизбежно ведет к обособлению «умственных действий» (образующих — согласно П. Я. Гальперину — собственно психологический механизм) от реальных телесных действий и их объективных продуктов, также входящих, конечно, в определенном аспекте в предметное содержание современной психологии.

Действительное значение кибернетики для психологии познавательных процессов состоит, по нашему мнению, не в том, что она, моделируя и формализуя их, перемещает механизмы поведения и сознания «по ту сторону» психологического исследования (переориентируя его тем самым на жизненно важные, но неформализуемые компоненты психической деятельности), а в том, что знание об этих собственно психологических механизмах, в частности механизмах формирования образа и действия, становится все более содержательным и дифференцированным.

Так, информационная трактовка образа, например выяснение его сигнальной функции, позволили по-новому подойти к таким кардинальным вопросам, как отношение образа к его внешнему источнику, к физиологическому субстрату, к регуляции предметного действия. Что касается самого действия, то разве не обогатились наши представления об его архитектонике (которая теперь уже никак не мыслится по типу рефлекторной дуги или отношения «стимул-реакция») именно благодаря кибернетическому синтезу? Те моменты поведения, которые представлены в таких понятиях, как сигнал, обратная связь, программирование, компарация, коррекция и др., присущи психической реальности как таковой. Поэтому психологическое исследование неизбежно наталкивалось на них уже в докибернетические времена, не имея, однако, средств для их адекватного, обобщающего отображения. Эти средства выработала кибернетика.

Поэтому кибернетические схемы оказались не извне занесенными в психологию, а соответствующими ее внутреннему развитию. Кибернетическая категория «информации», коррелирующая с психологической категорией «образа» (но не тождественная ей!), оказала глубокое влияние на укрепление объективного подхода к внутренним психическим процессам, подхода, который как интроспекционисты, так и бихевиористы считали недостижимым в принципе. Информация циркулирует объективно, т. е. подобно преобразованию вещества и энергии она не зависит от состояний сознания субъекта. Эта идея, будучи распространена на образ как форму организации информационных процессов, стимулировала разработку представления о том, что образ строится в объективной системе отношений между источником информации и ее носителем, т. е. не может быть отождествлен с самоощущением индивида об образном содержании своего сознания.

Побудив психологию расчленить глобальное представление о регуляции действия и стимулировав тем самым развитие этой категории, кибернетика сама была вынуждена обратиться к психологии, когда столкнулась

с задачей моделирования творческого мышления (так возникло «эвристическое программирование»). Стала очевидной не только реформаторская роль кибернетических идей по отношению к психологии, но и их зависимость от нее самой. К выводу о зависимости дальнейшего прогресса кибернетики от успехов психологического познания (а не от одной только математики и техники) склоняются в настоящее время сами кибернетики.

Мы подробно остановились на взаимоотношениях между кибернетикой и психологией, поскольку именно применительно к ним возник вопрос о том, не утрачивает ли психология свой предмет; не передает ли она одно из своих главных владений (область мышления) другой науке. Но сказанное относится также и к взаимоотношениям психологии с физиологией, социологией, историей культуры и другими дисциплинами, на стыке с которыми непрерывно расширяются сферы психологического исследования.

Отметим, в частности, благотворное влияние социологического изучения коллективов на разработку категории психосоциального отношения, т. е. того отношения, которое возникает у индивида как компонент его собственной психической жизни при включении в объективные социальные ситуации, при выполнении не зависящих от него ролей, норм и обязанностей. Малые группы так же древни, как человечество. Но конкретно-научное изучение этого объекта развернулось (в силу определенных социально-исторических обстоятельств) лишь в нашу эпоху, опять-таки расширив предмет психологии.

Итак, в современной ситуации междисциплинарное взаимодействие ввело в научно-психологический обиход новые реалии: кибернетика — информационно-регуляторный аспект поведения, социология малых групп — психологическую «плоть» межличностных отношений.

Нет оснований считать, что развитие предмета психологии на этом приостановилось, что уже в обозримый период не произойдет дальнейшего обогащения этого предмета, что умножение междисциплинарных связей будет тормозить, а не стимулировать дальнейшее развитие фундаментальных психологических категорий¹.

¹ В частности, в настоящее время новые приращения предмета психологии нарастают благодаря взаимодействию психологии с культурно-историческими дисциплинами: языковедением, науковедением, этнографией, гражданской историей и др. Это вновь обостряет интерес к изучению «содержаний» (а не только внеисторических «механизмов») психической жизни.

3. О ДВУХ ПСИХОЛОГИЯХ: ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ И «ИНТЕРЕСНОЙ»

Издавна, чуть ли не с момента зарождения психологии в качестве самостоятельной науки, на ней тяготеет антагонизм двух направлений: естественнонаучного и личностно-культурологического. Ф. В. Бассин обозначает их как «линию Вундта» и «линию Шпрангера». Это не совсем точно, поскольку уже у самого Вундта представлены обе линии¹ и задолго до Шпрангера проекты разработки эмпирического, но антифизиологического, ориентированного на историю культуры изучения «духовного мира» человека выдвигались сперва Кавелиным [5] в полемике с Сеченовым, а затем Дильтеем [4] против экспериментальной психологии².

В последующем развитии научного познания предпринимались попытки преодолеть «расщепление» предмета психологии, охватить единой системой понятий «низшие» и «высшие» психологические функции, произвольные и произвольные процессы, элементарные реакции и сложнейшие личностные образования. Наиболее значительными в этом плане явились достижения школы Л. С. Выготского, базирующиеся на методологии марксизма, и школы Курта Левина, рассчитывавшей охватить все многообразие проявлений человеческой психики посредством физико-математических моделей.

Яркую картину «расщепленности» предмета психологии и подходов к нему нарисовал Гордон Олпорт на XVII Международном конгрессе психологов в Вашингтоне.

Олпорт выразил надежду на то, что «общая теория систем» позволит сомкнуть два противостоящих друг другу лагеря. На эту же теорию систем как спасительный якорь психологии указывал в дни следующего международного конгресса (Москва, 1966) Анатолий Рапопорт.

Есть два рода психологий, — говорил он, — научная, которая пользуется экспериментом, моделированием и т. д., и «интересная», предметом которой служат «глубинные психические явления», неуловимые традиционными научными методами. «Я оптимистически смотрю на общую теорию систем как на известный подход, который... сумеет соединить анализ таких вопросов, как время реакции, расширение зрачка и т. д., и вопросов типа, почему Иван Кaramазов так ненавидел Смердякова... Этот вопрос также психологический, но решать его средствами психологии невозможно. Общая теория систем поможет нам изучать и такие вопросы» [2; 132].

¹ В первой же программе построения психологии Вундт разделял ее на две дисциплины: естественнонаучную и «духовнонаучную» (geisteswissenschaftliche), каждая из которых имеет свой предмет и свои методы.

² Эббингауз, защищая экспериментальную психологию, решительно выступил против дильтеевской идеи о «понимающей» (verstehende) психологии, имеющей своим предметом «тотальность душевной жизни» (см. [9]).

Действительно ли «общая теория систем» содержит столь мощный идейный потенциал, как думалось Гордону Олпорту и Рапопорту, покажет будущее. Во всяком случае пока она еще не оказывает существенного воздействия на психологические исследования, на интеграцию «двух психологий».

Если, с точки зрения Г. Олпорта, А. Рапопорта и др., цельность психологии достижима на путях выработки теории, охватывающей единой системой понятий и методов формализуемое и неформализуемое, объективно-поведенческое и интимно-личностное, то, по мнению Ф. В. Бассина, для достижения искомой цельности все формализуемое как гетерогенное по отношению к истинной психологии следует передать другим наукам. Предполагается, что тогда-то и станет успешно развиваться освобожденная от чуждых ей (кибернетических, физиологических) схем «интересная» психология (вопросами которой занимается в настоящее время не столько наука, сколько искусство).

Предмет этой психологии, согласно Ф. В. Бассину, как уже отмечалось, — «значачие» переживания. Не будем спорить о термине, который представляется нам неудачным, поскольку в действительности автор имеет в виду, как видно из контекста его анализа, переживание значений (т. е. личностный смысл, который приобретают для субъекта объективные вещи и ситуации, формализованные в виде значений), а не значение переживаний. Важно другое: указание на то, что ядро психической жизни (и тем самым «главный предмет» психологии) составляют феномены, которые охватывают различные «аффективно окрашенные проявления «вне лабораторного» поведения». Сюда относятся: радость, озабоченность, зависть, переживание моральной ответственности, конфликтов, нереализуемых влечений и т. д.

Кто может сомневаться в важности этого огромного пласта психической жизни как объекта психологического познания? Но от указания на объект до построения предмета дистанция огромная. И преодолевается она, подчеркнем еще раз, не пожеланиями и декларациями, а упорной и кропотливой **разработкой** многими поколениями исследователей категориального аппарата своей науки.

Причинное, научное (а не только художественно-образное и житейски-интуитивное) понимание указанных феноменов давно уже идет путем экспериментальной, клинической, математической (притом теснейшим образом связанной с «пограничными» науками — физиологией и др.) разработкой таких категорий, как мотивация и личность.

Известно, что вся система психоанализа вращается вокруг этих категорий. Неприемлемость психоаналитических интерпретаций обусловлена многими обстоятельствами. Одно из них — противопоставление категории мотива категории образа. Ведь помимо образного «канала связи» между сознанием и бытием мир культурно-исторических ценностей

не может стать определителем поведения индивида.

Образная сторона душевной жизни интересует психоаналитиков, лишь поскольку она служит проекцией предполагаемых бессознательных влечений, иррациональных импульсов. Зависимость познания от мотивации выступила в ложной форме. Познание как таковое, его константы и собственные механизмы отеснялись за пределы психологического анализа. В итоге усугублялся антагонизм «двух психологий». Ощущения, представления, память, мышление продолжали изучаться экспериментальными и количественными методами, имеющими в качестве ориентира естественные науки, а в наше время — также и кибернетику. Область же мотивации — «глубинных переживаний», «интересной психологии» — оставалась за особыми способами объяснения, совершенно ведомыми другим наукам.

Ф. В. Бассин безусловно прав, подчеркивая, что недопустимо «из многократно доказанной несостоятельности психоанализа выводить фиктивность отношений, которые он пытался раскрыть, и проблем, которые он ставил». Психологическая наука из-за изъянов фрейдистского психоанализа не вправе отстраняться «от рассмотрения важных проблем, которыми настойчиво занимается психоаналитическая школа, но которым она придает интерпретацию принципиально неправильную в научном и методологическом отношении» [1].

Проблемы и отношения, открытые психоанализом, существуют реально. Изучение бессознательных психических процессов и комплексов, механизмов психологической «защиты» (у нормальных субъектов, а не только невротиков), структуры личности и внутриличностных конфликтов относится к компетенции психологии (составляет ее предмет) не в меньшей степени, чем изучение механизмов построения образа или решения интеллектуальных задач. В защите этой мысли — важный позитивный аспект дискуссионной статьи Ф. В. Бассина. Однако, увлекшись этой мыслью, автор, на наш взгляд, пришел к односторонней трактовке предмета психологии.

Еще и еще раз подчеркнем, что, помимо своего исторически развивающегося категориального аппарата, психология не может взять «живьем» в их предполагаемой первоизданности ни «значимые» переживания, ни какие бы то ни было другие феномены.

Теоретическая концепция психоанализа и реальность, которая в ней неадекватно преломилась, не тождественны. Но чтобы заняться с новых позиций областью, считавшейся прежде монополией психоанализа, нужна другая рабочая схема. Эта схема должна быть теоретической, ибо сами по себе методические средства, предлагаемые Ф. В. Бассиним взамен лабораторного эксперимента («ролевая игра» и «регулирующий диалог»), без нового теоретического обоснования бессильны про-

двинуть нас к новым рубежам в понимании предмета психологии¹.

Разработка этой новой теоретической схемы, способной ввести в научный оборот те проблемы «интересной» психологии, к которым изредка обращаются лишь психиатры, хотя они являются центральными для понимания *нормального* хода психической деятельности, — задача очень сложная.

Здесь множество «подводных камней». Большие трудности, в частности, должны быть преодолены при выяснении соотношений между мотивационными и познавательными компонентами жизнедеятельности.

Согласно предлагаемой Ф. В. Бассиним трактовке предмета психологии, не только динамика процессов логического мышления (их механизмы), но также и их содержание, взятое в его объективных характеристиках, не зависящих от аффективно-ситуационных состояний личности, становится внепсихологической областью.

Ф. В. Бассин различает два вида значений: а) жестко запрограммированные, однозначно определяемые объективной характеристикой стимула, формализуемые; б) «преходяще-ситуационные», определяемые «историей» субъекта и не поддающиеся формализации. «Неформализуемость ситуационных смыслов, — пишет он, — особенно резко подчеркнула их положение как преимущественного предмета психологии и необходимость — поскольку они неформализуемы — применения при их изучении методов, качественно отличных от тех, которые широко применяются за пределами психологии» [1].

В категориальном плане значение относится к категории образа. Значение является образом не только в гносеологическом смысле (как отображение объективных характеристик предмета), но и в психологическом — как неотъемлемая часть сознания субъекта, интегральный компонент его жизни.

В определенных целях значение может быть формализовано, отщеплено от реального познавательного процесса и закодировано. Тогда оно и приобретает электронное существование.

Компьютеры оперируют кодами, а не образами. Лишь на уровне кодов возможны «жесткое программирование» и «однозначная определенность объективной характеристикой стимула». Но чтобы от кода перейти к образу, к его предметному содержанию, этот код необходимо декодировать. Никакое другое устройство, кроме человеческого сознания, не способно декодировать предметное содержание образа.

Применительно к мышлению это содержание имеет двойной план: а) оно формализуется в логических понятиях и схемах, становясь предметом логики и других непсихологических наук; б) оно формализуется (схемати-

¹ Тем более что и «ролевая игра» (ср. метод психодрамы) и «регулирующий диалог» (ср. клиническая беседа) — давние средства психологии.

зируется, классифицируется) соответственно задачам, решаемым субъектом в его конкретной деятельности, и тогда выступает в качестве предмета психологии.

На этом приходится настаивать, поскольку изучение не только того, как, с помощью каких средств, представлен в сознании внешний объект (каков механизм формирования образа, какие умственные действия производит индивид, какой смысл приобретает «объективно значимое» содержание для данной персоны и т. п.), но и другой вопрос — что именно представлено в сознании? — составляет неотъемлемую область психологии. Разделения «значения» и «смысла», формализуемых надиндивидуальных значений и ситуационных «персональных» смыслов не должно вести к выводу о том, что лишь область последних интересует психологию.

Вопрос не только в том, что индивидуально-личностный смысл и объективное значение вещи неразрывно связаны (переживание есть всегда переживание чего-то, любовь или страх характеризуются по их объектам и т. д.). Само «объективное» значение как чувственный или умственный образ имеет свою психологическую «ипостась», именно психологическую (а не одну лишь логическую или гносеологическую), безотносительно к их личностному смыслу, мотивационному потенциалу, отношению к запросам индивида. Поэтому не только акты, механизмы, функции и не только «отношения», но и «содержания» (образы, идеи) являются «законным» предметом психологии. Другой вопрос — под каким углом, посредством какого категориального аппарата анализируются эти содержания? Здесь, как мы уже знаем, старый спор, кульминацией которого явилось в свое время столкновение структурализма с функционализмом. Первый пытался выявить, из каких элементов построено сознание. Несмотря на утонченный эксперимент, это была попытка с негодными средствами, поскольку строилась она на предположении о том, что «материя» сознания соткана из элементов, подобных атомам классической физики, а сами эти «атомы сознания» (просвечиваемые интроспекцией) мыслились в виде самостоятельных сущностей, а не регулирующих поведение образов реальности. Согласно функционализму (и его преемнику бихевиоризму) вопрос «что?» вообще не должен волновать исследователей психической жизни¹. Они должны искать ответ на другой вопрос «как?» — как совершаются различные действия, процессы или функции.

Однако дальнейший ход развития психологии вновь повернул интересы этой науки (но уже в другом, неструктуралистском плане) к проблеме содержания («что?») в качестве собственно психологической (а не

только логической, гносеологической, этической, исторической и т. д.).

Хорошо известны успехи гештальтпсихологии в плане преодоления традиционного разрыва между «актами» и «содержаниями», между «как?» и «что?». Трансформация, перецентрировка и другие преобразования «содержаний» (при решении сенсорных и интеллектуальных задач) имманентны самим этим содержаниям, а не привносятся извне неким внешним по отношению к нам агентом (загадочным психологическим «гомункулосом»).

Методологическая слабость гештальтпсихологии состояла не в том, что она изучала «поле сознания» в его содержательных характеристиках, но в ложной феноменологической трактовке самого этого «поля».

Изгнав «во имя объективности» образы, бихевиоризм пришел к модели «пустого организма». О его жизни психология считала не вправе задавать иные вопросы, кроме «как?». Как различаются раздражители? Как ищется выход из лабиринта? Как приобретаются новые формы реакций? и т. п. Этот же подход был перенесен на социальное поведение человека, главнейшей особенностью которого признавалась «установка». Здесь изучалось: как возникает установка, как сменяется другой? Как она дифференцируется или становится более обобщенной и т. д.

Но постепенно и в американской психологии с ослаблением влияния «радикального» бихевиоризма и обострением интереса к особенностям человеческого поведения зарождалась новая психология «ментальных содержаний». Укрепляется мнение о том, что, игнорируя эти «содержания», нельзя адекватно строить не только учение об ощущении и восприятии, но и учение о мотивации и структуре личности. *Без «содержаний, о которых идет речь, нельзя понять детерминацию поведения индивида социально-культурными факторами.*

Один из видных американских исследователей мотивации Д. Макклелланд подчеркивает, что только тогда, когда «наша наука созреет до такого уровня, что мы сможем черпать (данные) как из политической, так и из экономической, религиозной, эстетической и тому подобных идеологий, тогда мы окажемся на пути к действительно расцвету психологии ментальных содержаний» [10; 51].

Макклелланд прав, указывая, что «старая» психология ментальных содержаний (структурализм Вундта — Титченера) зашла в тупик из-за ложности категорий, в которых описывались эти содержания; сами же эти последние рассматривались только с точки зрения изощренной интроспекции субъекта, не владевшими проверенными научными средствами, объективным аппаратом анализа.

Чтобы собрать реальные «образцы мыслей», нужен принципиально другой «контент — анализ» (анализ содержания), базирующийся не на интроспекции, а на столь же объективных методах, какими описывается поведение крысы в лабиринте.

¹ Один из лидеров европейского функционализма Карл Шгумпф даже выдвинул положение о том, что психические явления (содержания) должна изучать особая наука — феноменология.

Политические, научные, религиозные, эстетические, логико-математические и другие формы знания о природной и социальной действительности представлены в сознании в виде содержаний (образов), которые вовсе не являются простой проекцией этих форм. Поэтому психологии принадлежит право на изучение этих содержаний, а не только механизмов, посредством которых они усваиваются, и переживаний (отношений к ним), испытываемых индивидом. Тем самым становится очевидным, что различие в подходах психологии, с одной стороны, и остальных дисциплин, с другой, к содержанию внутреннего мира человека определяется не тем, что психология имеет своим предметом неформализуемое («значимые» переживания и т. п.), а тем, что она формализует это содержание под иным углом зрения, отличным от угла зрения логики, кибернетики и других наук.

В заключение приходится повториться и еще раз напомнить о сеченовской аксиоме: предметом психологии (именно психологии как таковой) является целостный акт, в котором «срединное» («внутренний план» действия) нераздельно соединено с «началом» — внешними воздействиями, приобретающими форму сигналов, и «концом» — двигательными, мышечными эффектами (приобретающими смысл предметного действия). Сеченов настаивал на том, что этот постулат должен быть признан для психологии столь же неизбежным как принцип неразрушаемости материи в химии. С тех пор прошло сто лет. Прогресс психологического познания подтвердил (вопреки теориям, в которых целостное оказалось разрушенным) силу сеченовской аксиомы.

Расширение предмета психологии, совершившееся под влиянием бихевиоризма, а затем кибернетики, казалось, как мы уже отмечали, на разработке категорий действия и образа. Внешняя, двигательная, а не только умственная активность стала с тех пор предметом психологического исследования как такового. Образ, в свою очередь, не идентифицировался более с «явлениями сознания». Ложность бихевиористской методологии достаточно хорошо известна. Она продемонстрирована самой эволюцией бихевиоризма, его распадом на «необихевиоризм», «необихевиоризм» и другие «микрошколы».

Из этого, однако, не следует, что не подтвердилась предвиденная Сеченовым необходимость превращения телесного поведения в предмет специально психологического, а не только физиологического анализа и что, в противовес бихевиоризму, собственно психологическое следует считать начинающимся там, где кончается внешнее, телесное.

Без охвата общей системой понятий «внутреннего» и «внешнего», их взаимопереходов адекватное теоретическое представление о предмете психологии непостижимо. Лет тридцать назад, критикуя Толмена, стремившегося понять, исходя из внешнего поведения крысы, ее «внутренние психические процессы», Газри писал: «...в своей заинтересованности тем, что происходит в сознании крысы, Толмен игнорирует предсказание того, что же делает крыса. Если она в конце концов доберется до кормушки, то это касается только ее, а не теории». Если от психологической теории требуется ответить на вопрос о том, как крыса доберется до кормушки, то тем более важным является объяснение вопросов, возникающих в связи с принципиально новым характером психической деятельности человека, общественно производительной, созидательной, продуктивной по своей природе.

Созидание продуктов, имеющих общественно-историческую ценность, производит, как показал марксизм, коренные изменения во всем строе человеческой психики и тем самым *раздвигает границы предмета психологии далеко за пределы, которые положила этой науке чисто биологический подход.*

Конечно, нельзя получить целостное теоретическое изображение предмета психологии из мозаики, которая присоединила бы к «явлениям сознания», какими они представляются самонаблюдению, бихевиористски интерпретированные телесные реакции, а к ним, в свою очередь, отчужденные от личности продукты культуры.

Речь идет о том, чтобы новый теоретический синтез (т. е. теория предмета) адекватно воспроизвел те преобразования в предметном содержании психологии, которые совершаются «на категориальном уровне» благодаря включению основных понятий этой науки в различные системы междисциплинарных взаимодействий.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бассин Ф. В. О развитии взглядов на предмет психологии. «Вопросы психологии», 1971, № 4.
2. «Встреча с участниками XVIII Международного психологического конгресса». «Вопросы философии», 1966, № 12.
3. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956.
4. Дильтей В. Описательная психология. М., 1924.
5. Кавелин К. Д. Задачи психологии. СПб., 1872.
6. Леонтьев А. Н., Панов Д. Ю. Психология человека и технический прогресс. В кн.: «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности».
7. Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947.
8. Ярошевский М. Г. Психология в XX столетии. М., 1971.
9. Ebbinhaus H. Ueber erklärende und beschreibende Psychologie. «Zeitschrift für Psychologie der Sinnesorgane», IX, 1895.
10. Macielland D. The psychology of mental content reconsidered. In: «Current Perspectives in the Social Psychology», 1963.